

ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ

литературный сценарий полнометражного фильма

по мотивам произведений

Всеволода Иванова

Александр Пономарев

Мартирос Фаносян

2010

РОЛИ

Виталий Витальевич Сафонов, профессор востоковедения, 51

год

Дава-Дорчжи, монгол, 34 года

Дивель, секретарь наркома просвещения, 45 лет

Анисимов, комендант дворца Строгонова, 28 лет

Цвиладзе, замнаркома по национальностям, 40 лет

Цин-Джун-Чан, монголка, 19 лет

Шурха, солдат-монгол, 30 лет

Восемь монгольских солдат

Деревенский священник, 50 лет

Женщина – доктор

Комендант в Иркутске

Сергей Николаевич

Хизрет-Нагим-бей, татарин

эпизоды, массовка

Пески засыпают лицо древнего изваяния. Глаза его обращены вверх, они глядят мимо и выше несущихся песков...

*...Один Будда являлся в бесчисленных видах,
и в каждом из бесчисленных видов – является Будда.*

Петроград. Ноябрь 1918 года. Утро. Длинная очередь за пайком у грузовика с откинутым бортом. Люди в очереди ругаются и отталкивают друг друга. Вооруженные дружинники пытаются вяло наводить порядок.

- Посторонись!.. Посторонись!..- как дьячок на клиросе тянет молодой дружинник.

«Старшой» – бывалый матрос нюхает кокаин из грязного газетного пакетика, спрятавшись за капотом. Возвращается...

- Да не «посторонись», - не на вокзале!.. Беременную пропустите!..

- Краля-то брюхатая, тоже лезет... - выкрикивает рыжий парень

- Я те мурсало-то расквашу, попади на меня! Едрёна мать, вы же - русские люди!..- орёт старшой.

Толпа, внезапно утихнув, пропускает молодую беременную женщину к борту грузовика.

- Получай, голуба!.. – говорит благодушно раздатчик, отделяя мёрзлый кусок конины.

- Спасибо,- куда-то вниз, под ноги говорит она; уходит, неловко неся завернутое в газету мясо. Скользит по обледенелой мостовой...

- Барышня недобитая!.. – орёт вихрастый рыжий парень. Ему отвечают гоготом дружинники.

Профессор Виталий Витальевич Сафонов, худощавый с небольшой ухоженной бородкой, смотрит ей вслед. Он в черном поношенном пальто, шея обмотана старым шарфом.

Профессор не участвует в перебранках, борьбе за место в очереди и, все-таки, получает последний паёк - обледенелую голову лошади...

-Чего засмотрелся, интеллигент? Бери!.. Последнее...

Очередь возмущенно и разочарованно гудит. Сафонов скромно отдает свою карточку, неловко запихивает голову в матерчатую сумку зелёного цвета и понуро идет домой.

Улица без деревьев и без воздуха между домами, как строчка без пробелов между слов. Редкие прохожие. За профессором, на отдалении идут трое.

Его медленно обгоняет телега, нагруженная большим деревянным ящиком. Ящик сбит из подручного материала: грубые доски, дранка и, перемычками, дощечки от артиллерийских ящиков. Лошадь идёт шагом. Пустой ящик болтается на ходу. Предназначение его неизвестно...

Почему-то этот странный ящик на телеге привлекает внимание профессора. Останавливается и смотрит вслед...

Чья-то крепкая рука, схватив за плечо профессора, втаскивает его в арку.

Слышны голоса:

- Что вам нужно?

- Нам нужно ВСЁ!.. Слышал: «Грабь награбленное!»?

- У меня ничего нет...

- Башку отдай, старый хрен!..

Шум борьбы, мелькают кулаки...

Троица удаляется вглубь арки, напевая: «Крутится-вертится шар голубой...»

Квартира профессора востоковедения Виталия Сафонова в большом петербургском доме, ещё не успевшая стать коммуналкой. На печке-буржуйке с

отведённой в форточку трубой варится картофель в котелке, придвинутом поближе к трубе.

Огромная библиотека, китайский фарфор, статуэтки, японские свитки, тяжёлые шторы, дубовый письменный стол со старой чернильницей; в красном углу – икона Спасителя в золотом окладе с еле тлеющей лампадкой.

В кровь избитое лицо профессора. Крестится...

- Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, спаси и сохрани...

Принимается промывать садины водой из-под картофеля, разведенной в тазу водой из кувшина. В дверь стучат...

- Обождите десяток минут!..

Вытирает лицо, окровавив белое полотенце. Быстро положив горячий картофель в миску, ест его прямо с кожурой. Стук повторяется,- сильный и как бы сытый.

Профессор, надев меховую шапку и шубу, в которых теперь не выходит на улицу, идёт к дверям. Ест на ходу...

- У меня только третьего дня, да и вчера,- простите, запомнешь,- приходили ваши с обыском. У меня нет столько тепла в квартире, чтобы каждый день допускать обыски. Имеете ли вы, черт возьми, полномочный ордер?

На лестничной площадке лицом к двери, в солдатской шинели стоит человек. Неторопливо, но громко:

- Мне нужно профессора Виталия Витальевича Сафонова...

Профессор резко открывает дверь:

- У меня в сутки двадцать минут тёплой воды!...

- ...по личному делу,- заканчивает незнакомец.

- У меня нет личных дел, я голоден и одинок!- огрызается профессор.

Человек в солдатской шинели и фуражке, отстранив профессора, быстро проходит в квартиру.

Профессор навешивает крюк и растерянно идет за незванным гостем.

Рукава шинели у гостя необычайно длинны, шинель подпоясана узким лаковым поясом.

- Если вас послали предложить мне картофель и муку, говорите. Но предупреждаю вас: у меня только книги. У меня пустота!- на ходу говорит профессор,- Вчера я, академик и автор почтеннейших трудов, ночью крался по Неве, дабы украсть доску из баркаса. Я пират, милостивый государь... В минуты тепла я ни с кем не разговариваю...

Солдат тихо берёт миску из рук профессора.

- Простите, гражданин, но там нет картофеля, я его съел. Сейчас время мыть посуду, гражданин солдат.

- Я более опытен в мытье посуды, во-первых, а во-вторых, вы меня старше и мудрее...- гость берёт щепотку золы и начинает тереть миску.

Только теперь видно его неподвижное лицо, глаза маслянистые и тёмные; реденькая, словно выгнившая бородёнка монгола...

- Не дадите ли вы за всю мою мудрость мешок картошки?

- Я расстегну шинель, господин профессор, я не раздевался две недели. Меня зовут Дава-Дорчжи, я из аймака Гушуту-хана... Кто вам сломал нос, господин профессор?- усаживаясь в кресло и не поднимая глаз, спросил Дава-Дорчжи.

Сафонов, раздражаясь всё больше, тщательно закрывает вьюшку печки...

- Сообщите причину вашего прибытия поскорее! Не такое времечко теперь, чтобы вести душеспасительные разговоры. Мне важно иметь тепло и незамерзшие пальцы, гражданин солдат.

Как-то неумело улыбаясь, солдат начал:

- В год Красноватого зайца...

- Сражения у скалы Дангу-хода?.. В тысяча шестьсот двадцатом приблизительно?..

Дава-Дорчжи поднял глаза на профессора:

- В тысяча шестьсот двадцать седьмом году, дорогой Виталий Витальевич. Я знаю, с кем разговариваю... В этом году отшельник Цаган-лама Рачи-

джамчо построил кумирню высотой в пять цзяней в долине аймака Тушуту-хана. Там моя родина...

- Чрезвычайно глупо! Ну зачем мне знать про какого-то отшельника? Плевать мне и на отшельника, и на ваш аймак!.. Говорите короче.

- Убедительно прошу вас выслушать меня, господин профессор. Подвижник замуровал себя в скалу Дангу и в этом положении прожил семь лет, претерпевая свой трудный подвиг. Ученики его, размуровав с достойным благоговением келью, обрели уже не кости Цаган-ламы Рачи-джамчо, они обрели там бронзовую золоченую статую – бурхан Сиддхарты Гаутамы, прозванного Буддой... Так совершилось трёхсотое пробуждение на земле высочайшего ламы Сакья, вечного спасителя существ и подателя всяческой добродетели...

Солдат сидит неподвижно.

- День тепла пропал... Спасибо, что сообщили такую увлекательную легенду...- медленно говорит профессор.

- Именно, увлекательную!..

- И всё же эту легенду можно найти,- Сафонов потянулся к своей библиотеке,- Я, помнится, где-то читал её...- находит книгу на полке и стряхивает ладонью пыль,- Вот! Не угодно ли?..

Профессор протягивает монголу книгу и, заметив его удивлённый взгляд, добавляет:

- Моя жена любила книги с золотым тиснением...

Дава-Дорчжи невозмутимо продолжает:

- Владетели аймака Тушуту-хана издавна с должным уважением берегли статую Будды. Канты по краям его одежды оторочены проволокой из золота, подобной же проволокой отделаны ногти...

- Превосходно, превосходно! Но, видимо, книги вам не подходят? Иным я ничем не обладаю, смотрите сами. Но если на деньги, то какова будет цена картофеля?

Дава-Дорчжи отрицательно и ехидно помотал головой.

- Тепло на исходе... Предлагаю вам надеть шинель,- говорит профессор.

- В аймаке Тушуту-хана, уважаемый Виталий Витальевич, я имею три тысячи голов скота, то есть имел до революции...

Профессор смотрит на рваный воротник его шинели, на заплату под мышками...

- А теперь отняли? И превосходно сделали! По справедливости, один человек, какие бы великие планы он ни держал в себе, не имеет права держать три тысячи голов скота. Сколько это пудов мяса будет?..

- Революция, как огонь: ест и не наестся. Но мой скот за время революции удвоился. Это мне точно известно...

С лестницы доносится непонятный грохот.

Сосед профессора сверху, обмотанный крест на крест бабьим шерстяным платком, с большим усилием волочит на веревке бревно. Что-то ворчит себе под нос... Изматывающий душу скрип наполняет собой гулкую тишину промерзлой лестницы. Вздохи, харканье. Лифт обледенел и покрыт снежными, мохнатыми сосульками.

Дверь профессорской квартиры открывается, пропуская на лестницу монгола.

- Весьма благодарен за лестное сообщение легенды; запишу немедленно, несмотря на голод, холод, недоразумения,- быстро говорит в дверях профессор,- легенда необычайно ценная, особенно в наше время, не правда ли?..

Лицо монгола обрадовано сияет...

- Весьма рад, что вы согласились. Обещанное мною вам стадо я ещё более увеличу... На сто голов,- и три жены, да, увеличу!..

Монгол, весь сияя радостным лицом, исчезает в льдистых пролётах лестницы.

- Какое обещанное стадо?..

Изумлённый профессор закрывает дверь.

Навешивает дверной крюк. Идёт по коридору. В дверном проёме своего кабинета видит:

Грязный вонючий аймак. Жара, пески... Верблюды усеяны огромными клопами, пастухи зубами бьют вшей. Профессор идёт по песку... У юрты играют грязные дети. Из-под кошмы юрты торчат ноги статуи Будды, ногти отделаны золотом...

Резкий стук в дверь возвращает профессора в реальность. Он стоит один среди пустой квартиры... Но тут в дверь опять стучат. Профессор без шубы, без шапки, зло трясая руками, бежит к дверям и, срывая крюк, кричит:

- У меня нет времени записывать ваши глупые сказания!..

За порогом в кожаной куртке и коричневой кожаной фуражке с изломанным натрое козырьком любезно улыбающийся человек, на фуражке химическим карандашом выведена звезда. Вежливо и тишайше:

- Разрешите узнать, здесь ли живёт многоуважаемый профессор востоковедения Сафонов?

- Никому не помогло, что я профессор Сафонов. Ко мне продолжают лезть!..

- Виталий Витальевич, если не ошибается адрес? Вы простите, Виталий Витальевич, всё же...

Наилюбезнейшее кланяясь, достаёт длинный пакет:

- Профессору Сафонову от товарища наркома по просвещению в личные руки...

Человек протягивает Сафонову пакет и, сняв перчатку, голой рукой берёт крюк...

- Не заметили ли, на улице – двадцать пять по Реомюру. Нас ждёт машина...

- Понадобился профессор Сафонов, так на машине приехали? А полено дров прислать не могли – и если бы труп нашли профессора Сафонова, кому бы пакет вручили?..

День морозный и солнечный. По Троицкому мосту идут матросы с карабинами за плечами. Автомобиль гудит, поворачивает... Кидается в сторону старушка в длинной шубе с воротником искусственного кенгуру.

В машине профессор со злостью разрывает пакет и нарочно читает не то, что к нему обращено, а обратную сторону бумажки:

- «Всероссийский союз городов, в дополнение к отношению своему, напоминает вторично...»

- Вот дьяволы, саботажники, контрреволюционеры! В Чека таких, других путей нет!- повернувшись с переднего сидения, говорит Дивель,- Важные отношения надо на чистой бумаге печатать, а они на обороте бланка союза городов, чтобы бедность нашу подчеркнуть. Переверните, гражданин профессор.

- «Народный комиссар просвещения. 16 ноября 1918 года. Проф. Вит. Сафонову. Народный комиссар просвещения просит гр-на Сафонова немедленно пожаловать на совещание экспертов в особняке бывшего графа Строганова по вопросу о статуе Будды. Народный комиссар... Секретарь...» Ерунда какая! Совершенно неправдоподобная бумага! Зачем мне Будда?! Второй раз сегодня Будда...

Человек в кожаной куртке берёт бумажку и внимательно рассматривает её.

- Действительно, неправдоподобно... Но это оттого, что я спешил. Подписи действительно нет, а одно пустое место, Но я сейчас подпишу, потому что секретарь-то – я... Химическим карандашиком!- он слюнявит грифель карандаша и подписывает бумажку на коленке, - вот вам вполне правдоподобная бумажка...

- А как же Будда, разве он существует, господин секретарь?

- Будда? А почему не существовать Будде, если существует бумажка...

Первый этаж особняка Строганова. При входе часовой гордо курит трубку. сапоги у него укутаны ковром. При виде прибывших Дивеля с профессором,

не встаёт, а искусно ловит пропуск трубкой и одним пальцем. Дивель гордо сообщает профессору:

- Даже при появлении наркома не встанет!..

- И пропуск трубкой поймает...- ехидно отмечает Сафонов.

- Теперь музей, а не частная квартира, а поэтому никакого унижения не выявляем, гражданин,- обиженно говорит Дивель.

- Ну, положим, здесь уже был общедоступный музей с 14-го года. Неважно...

Неправдоподобный свет льётся через грязные, заснеженные окна. На ковры накинаны рваные рогожи. Обстановка напоминает аукцион: на сваленных в кучу предметах старины, на мебели, тибетском оружии, полотнах западноевропейцев, японских гобеленах навешаны свежие номерки, как в морге. Из соседней комнаты несёт табачным дымом и стучит машинка.

Человек в черной шинели и валенках что-то пишет на табуретке, хотя рядом большой старинный стол пуст; за другим столом печатает машинистка. Увидев Дивеля с профессором, человек сразу начинает кричать:

- И вечно вы, товарищ Дивель, не координируете действий! Сейчас звонят мне: вопрос о Будде, мол, дело не Наркомпроса, а Комиссариата по делам национальностей... Следовательно ни вы, ни нарком просвещения мне не нужны!..

- Следовательно, по-вашему, товарищ Анисимов, я напрасно за профессором на Выборгскую сторону гонял? Я не позволю себя унижать, у меня вежливости хватит, но тем не менее такие свинства...

- Молчать, товарищ Дивель!

Дивель, закатив глаза, тонким дискантом кричит совсем по-бабьи:

- Я тогда складываю с себя ответственность за собрание! Я... вечные ведомственные трения... Я!..

Он горячо жмёт руку профессору:

- Извините, гражданин профессор! Произошло недоразумение... Я не курьер, чтоб для комиссариата национальностей профессоров-экспертов разыскивать!.. Вы можете ехать домой...

- Как домой?!- Анисимов хватает профессора за рукав. Дивель за другой.

Профессор смиренно и ехидно улыбается.

На происходящее привычно и тупо смотрит секретарша из-за машинки.

- Маня! Соедини меня с комендатурой!..

Маня соединяет...

- Аллё, комендатура? Говорит комендант дворца Анисимов. Слушаете?

Что? Да, да. Я, я!.. Сейчас пойдут Дивель и профессор Сафонов, так вот, у входа профессора задержать, впредь до распоряжения, а Дивеля выпустить, пускай идёт к черту, волынщик!

- Как вы смеете?! Вы – хам! Это самоуправство!.. Я буду звонить за-замнаркому!.. – визжит Дивель, пытаясь вырвать у Анисимова трубку...

Профессор, всё так же ехидно и отрешённо улыбаясь, садится в кресло.

В это время, откуда-то из глубин дворца тихими шагами появляется Дава-Дорчжи уже в лохматой бараньей шапке; спокойно говорит спорящим:

- Заместитель наркома выехал. Он просил передать выговор товарищу Дивелю за нераспорядительность и товарищу Анисимову за суетливость, или наоборот, не помню...

Секретарь и комендант смотрят на него растерянно...

Как загипнотизированные немедленно смолкают.

Дава-Дорчжи садится на ручку кресла и говорит в лицо профессору:

- Я забыл добавить к истории Будды ещё рассказ о храме, Распространяющем Спокойствие... Надо сказать, что аймак Тушуту-хана в эпоху династии...

- Аймака Тушуту-хана нет. Он сгорел в тысяча двенадцатом году и с того времени не восстановлен, - неожиданно для себя врёт профессор.

- Насколько мне известно, его восстановили весной этого года,- немедленно и явной же ложью отвечает ему Дава-Дорчжи,- И это восстановление тоже имеет отношение к событиям вокруг бурхана Будды...

Помолчав, профессор глубоко надвигает шапку на уши и говорит многозначительно и медленно:

- Да, события вокруг бурхана Будды становятся для меня всё более ясными.

Дава-Дорчжи отходит от кресла, поворачивается к профессору. Лицо его неподвижно, глаза сияют:

- Я рад. Всё задуманное вами кончится быстро...

За его спиной происходит волнение: десять черноволосых и широкоскулых людей в солдатской форме заполняют вестибюль у парадной лестницы. Двое из них вносят ящик, виденный прежде Сафоновым... За ящиком идёт, с почтением сняв барашковую шапку, человек в сером...

- Вот идёт заместитель наркома по национальностям,- приблизившись к профессору и подхватив его под руку, говорит Дава-Дорчжи,- Сюда, Виталий Витальевич, сюда...

До половины окна дотягиваются и бессильно свисают ветви сосны. Зелень их почти синяя. На фоне этой синевы в окне, солдаты начинают заколачивать ящик. Под стук молотков разносится по дворцу гортанный голос:

- Товарищи и граждане, все трудящиеся Востока! Приветствую вас от имени Совета Народных Комиссаров...

Солнце осторожно пробирается мимо ног на рогожах. У одного из солдат обмотки завязаны электрическим проводом...

- ...В вашем лице, товарищи, мы видим представителей далёкой Монголии и, кажется, даже Китая...

Дава-Дорчжи надменно смотрит на ораторствующего Цвиладзе. Рядом – усталый профессор тоже поднимает глаза.

Заместитель наркома высокогруд, из кармана пиджака у него торчат газеты; говорит быстро, с какой-то насмешливой уверенностью:

- Здесь, в этом ящике, находится статуя Будды - святыня монголов, захваченная...- Цвиладзе подсмотрел надпись на краю газеты,- в аймаке Тушутухана царским генералом и палачом монгольского народа Савицким...

Глаза монгольских солдат обращены выше рослого заместителя наркома...

- В то время как генерал Савицкий проиграл в карты графу Строганову статую Будды, мы, коммунисты, уважая ваши национальные требования и сознавая, что буддизм – это атеистическое учение, выдвигаем национальное объединение в противовес патриархальной анархии и внешнему иноземному гнёту. Европа, товарищи, будет потрясена объединением буддизма и ленинизма. Да здравствует Советская Евразия!

- Ура!.. – кричит Дава-Дорчжи, незаметно махнув рукой солдатам-монголам.

- Ура-а!!! – подхватывают монголы...

- Поэтому, товарищи монголы, постановление Малого Совета Народных Комиссаров о передаче в руки представителей монгольского народа находящейся здесь в покоях...

Заместитель наркома поднял кулак и, злобно тыча им...

... в японские гобелены, тибетское оружие и западноевропейскую живопись, воскликнул:

- ...в покоях графов Строгановых статуя Будды,- ещё не значит, что большевики покровительствуют тибетским ламам! Нет! Статуя Будды передаётся как музейная редкость, как национальное художественное сокровище. В наблюдение за точным исполнением инструкций у монгольской границы, из центра командируется политический комиссар товарищ Анисимов.

- Нами рекомендуется, в качестве представителя экспертов, профессор истории Востока Сафонов! – вдруг торопливо, даже вздрогнув, выкрикивает Дава-Дорчжи и один аплодирует с весёлым лицом.

Сафонов ошарашено смотрит на него...

- Совершенно верно, профессор Сафонов командируется в качестве...- вторит Цвиладзе.

Дава-Дорчжи быстро приблизившись к замнаркому и подавая ему выпавшие из кармана газеты, говорит:

- Господин профессор, по-видимому, желает возразить...

Солдаты-монголы внезапно перестают колотить молотками и замирают...

Цвиладзе, сжав в кулаке газеты, восклицает с внезапно усилившимся акцентом, проходя мимо профессора:

- Господин профессор, вэ... когда идёт революция, нет возможности вилить хвостом. Завтра выезжаете!..

И, кинув газеты на рогожи, оборачивается к монголам:

- Да здравствует международная революция и раскрепощение трудящихся Востока!..

- Ура-а!..- отвечают монголы, и продолжают колотить молотками по ящику.

Анисимов выводит на ящике надпись: «Верх, осторожно!», окуная кисть в банку с суриком.

- О, мне чрезвычайно приятно ехать с таким просвещённым спутником!- улыбаясь, говорит Дава-Дорчжи, подходя к профессору.

Виталий Витальевич с ненавистью смотрит на него.

Дава- Дорчжи провожает профессора до ворот.

- Мы все получим по вязаной фуфайке,- тихо говорит Дава-Дорчжи,- у меня уже ордер на вязаные изделия.

- Мне нужно жить в Петрограде, у меня труды- так же тихо отвечает профессор,- я не желаю покрывать... ваши фокусы.

- Вы имеете возможность отказаться от фуфайки, Виталий Витальевич. Революция научила нас великому чувству, не правда ли,- это стыдиться богатства. От этого чувства появился Будда...

- Вы думаете посмеяться надо мной: что старика профессора, как комиссара, можете направить. Я смогу найти на вас управу! Я...- и прервав сам себя, Сафонов поворачивается и уходит.

Дава-Дорчжи, ухмыляясь и потирая кончиками пальцев шинель, смотрит, как профессор, слегка припадая на левую ногу, идет по набережной Мойки.

Начинает смеркаться.

Петроград совсем похож на деревню: с неубранных сугробов скатываются на салазках мальчишки.

Из проруби на реке старушки ведрами набирают воду и скользят по обледенелым гранитным ступеням, пытаясь подняться наверх.

Сафонову встречается женщина в солдатской шапке и с такой же конской головой в тряпичной сумке зелёного цвета, что украли у него.

- Продаете?- машинально спрашивает он.

- Нет- отвечает женщина глядя себе в ладонь и вдруг запоздало шарахается и ускоряет шаг.

Виталий Витальевич смотрит ей вслед, опускает глаза...

- Зачем я еду?..- тихо произносит себе под ноги.

Вечер. Дома у профессор пылает печка. Бросив, было, пару картошек в котелок, он немного подумав, вытряхивает туда весь остаток из мешка и начинает собирать рукописи.

Он перевязывает их бечевками, надписывает; ненужные кидает в огонь.

Из печки вырывается бумажный пепел и реет по комнате.

Профессор сонно смахивает пепел со щек.

- Необходимо голову завязывать платком, иначе от бумажного пепла выпадают волосы. Да и мыть голову трудно при мыльном кризисе - с этими словами в комнате появляется тов. Анисимов

- Даже дверь забыл закрыть,- больше себе говорит профессор.

Анисимов, довольно насвистывая, помогает сгребать в печь бумаги:

- Бумагой печку топите... Совсем по-нашему!..

- А не кажется ли вам, что монгол всё выдумывает? Может быть, он – передетый лама; может везёт нас для каких-то своих грабительских целей... Не может же быть такой неправдоподобной жизнь!..

- Жизнь ещё как может быть неправдоподобной!- остановившись собирать бумаги, говорит Анисимов,- я только что с фронта, и жизнь Красной Армии – совершенно неправдоподобная жизнь!

- Как же это так? Тогда ведь, если жизнь армии неправдоподобна и то, за что она воюет, тоже неправдоподобно, и, завоевав это неправдоподобное, она заставит нас жить, черт знает, в чём и где, в легенде какой-то... - берёт книгу с золотым тиснением, которой утром пытался сбить с толку монгола и швыряет её в огонь.

Книга пылает в печке.

Анисимов весело улыбается. Улыбка у него в отсветах пламени - совершенно детская...

- Да вы не волнуйтесь, мы мигом слетаем в Монголию!..

Профессор стоит на заплеванном перроне вокзала, держа за веревочку салязки с поклажей.

Мимо проходит отряд солдат в лаптях и шинелях, под красным знаменем.

- Буржуй торговать едет!.. Обсмотреть бы его, ощупать!- кричат солдаты.

К Сафонову подбегает старуха:

- Продать, милый, хлеба нет ли, али менять?..

Подходит Дава-Дорчжи, грубо отталкивает её...

... и ведёт профессора среди людей, вдоль перрона к первому от паровоза вагону:

- Правей, правей, гражданин профессор. Если б я обладал свободным временем, то приложил бы все усилия для помощи вам. Но санки ваши подкованы железом, снег твёрдый... Я полагаю – вы не утомились...

- Когда поезд отходит? Анисимов пришёл?- на ходу спрашивает Сафонов.

- Не беспокойтесь, до отхода поезда бесконечное количество времени, и товарищ Анисимов не опоздает.

- Но у него все мандаты и документы...- приостанавливается профессор.

Дава-Дорчжи оборачивается, он возмущительно бесстрастен.

- С таким вот лицом, наверное, проходила Русью Орда!- не сдерживается профессор.

Дава-Дорчжи довольно хохочет в ответ.

Он открывает дверь вагона, на которой мелом написано: «Вход воспрещается! Служебная народного комиссара прасвещения».

Стены теплушки обиты войлоком, вынутым из подстилок; на всё войлока не хватило – кое-где видны щели.

Солдаты-монголы спят на соломе в обнимку с винтовками.

- Печки не было - мы вашу прихватили!- забираясь первым, говорит Дава-Дорчжи.

Профессор неожиданно обрадовался, что его печка поедет с ним:

- Да, да... Хорошо!..- говорит он внизу, у края вагона, заглядывая внутрь.

В углу, у профессорской печки, труба которой отведена в маленькое окошко наверху, – молодая красивая монголка следит за огнём.

К потолку подвешена керосиновая лампа-коптилка.

Внизу, под полом, пробегают, постукивая по колесам молотком.

За сургучной печатью – тесовый ящик с надписью: «Верх, осторожно».

- Будда Сиддхарта Гаутама плывёт в своей новой лодке...- улыбаясь, говорит Дава-Дорчжи и ножом срезает лучину от расколотого полена.

Профессор неловко забирается внутрь теплушки и устраивается в свободном углу теплушки, особенно тщательно примостив чемоданчик в головах и накрыв его одеялом.

За его действиями внимательно следит монгол Шурха.

- Не считая вас, профессор, у нас наряд на двенадцать человек.- говорит Дава-Дорчжи,- Но двенадцатый отказался ехать на родину, и я взял женщину...

Женщина, не понимая по-русски, смотрит на огонь...

- Почему он отказался ехать?- спрашивает профессор.

- Он умер...

Солдаты привстают, отряхивая солому.

- Женщина...- хихикнул неожиданно Дава-Дорчжи,- с женщиной у нас будут ссоры и драмы, и мы будем узнавать друг у друга характеры. Не правда ли, я поступил мудро?

Профессор отходит к приоткрытой двери. Морозно звенят буфера.

К составу прицепляют паровоз. Бранится машинист:

- По вагонам, сукины дети! Отправляемся...

Из клубов пара появляется Анисимов с одним портфелем.

- Где же ваш багаж? – спрашивает сверху Сафонов.

- Какие же в коммуне багажи?! Отсталый индифферентизм... Сейчас в третьем классе митинг затеяли. Меншевичёк нашёлся. Ну я им покажу...Что, портфель оставить? А на чем же я спать буду?..- и тут же, бросив портфель в теплушку, убегает:

- Я... Ничего, ничего, не отстану... Я скажу, чтоб поезд на пол-часика задержали, ничего...

- Нельзя ли, товарищ, доехать?- спрашивает молодой матросик, остановившись у двери вагона.

- Груз сопровождаем. Проходи,- отвечает Дава-Дорчжи и бесцеремонно открывает портфель Анисимова.

Достаёт свои и профессора документы, прячет свои в карман, профессорские протягивает Сафонову:

- Возьмите, Виталий Витальевич. Сохраннее будут...

Слышен сигнальный колокол. Поезд трогается. Дава-Дорчжи начинает читать молитву по-монгольски, не переменив своей позы.

Солдаты- монголы располагаются в ровную линейку на соломе перед ящиком с Буддой...

Женщина скромно забила в угол...

Виталий Витальевич, стоящий у чуть приоткрытой двери, успевает увидеть на малом ходу поезда, как разгоряченный Анисимов на платформе громит

подлого меньшевика, понуро стоящего перед ним; небольшая толпа вторит Анисимову:

- Не дава-ай!..

Поезд набрал скорость. Солдаты в теплушке пьют чай из кружек, кто-то ест вяленое монгольское мясо.

От резкого запаха мяса Сафонов морщится и садится в сторонку..

Дава-Дорчжи вольготно расположился рядом с печкой. Сквозь прищур смотрит на профессора...

Монголка смиренно подаёт Дава-Дорчжи пиалу.

- Вы возвращаете свою молодость этой поездкой, господин профессор...

Я обещаю вам счастье и молодую жену, шестнадцати лет, не более...

- Я вас не понимаю. Вы выдумали меня...

- У нас впереди много времени, господин профессор, и для объяснений и для благочестивых или иных размышлений... Да будут затканы драконами ваши мысли, Виталий Витальевич...

На первом же разъезде солдаты-монголы что-то выменивают у местных, объясняясь с ними на пальцах...

...тащат вёдрами кипятков, дрова, какие-то доски в теплушку...

...женщина один за другим подогревает чайники...

Солдаты-монголы сходятся в кучу и что-то продают друг другу, торгуются, хулят и хвалят продаваемое и сговариваются пожатием пальцев; причем один опускает рукав, а другой всовывает туда руку. Пожав тайно пальцы,- сговоровившись,- продолжают что-то громко обсуждать по-монгольски.

Профессор начинает различать их лица, на них какой-то синий налёт. Он что-то записывает в книжечку, прикрыв ноги одеялом.

Дава-Дорчжи грозит солдатам пальцем, они замолкают и в ряд садятся на корточки.

Внезапно открывается дверь теплушки, врывается пар и вслед за ним забирается товарищ Анисимов. Шарф у него стал ещё грязнее, а валенки в саже...

- Здесь! Едем? Еле нашёл вас, ладно – номер запомнил... Тифозных нету? Белогвардеец прёт. Портфель заберу. Я сейчас!...

Щупает ящик с Буддой:

- Сидишь?..

И спрыгивает...

Вскакивает на паровоз проходящего вперёд поезда и опять исчезает с ним в клубах пара...

Ночь. Два монгола у печки продолжают пить чай.

Остальные солдаты спят.

Еле тлеющая лампа раскачивается под потолком на ходу поезда и выхватывает из темноты лица то одного, то другого...

Профессор укладывается спать, ворча:

- Откуда у них столько чая?.. В России совсем нет чая...

Дава-Дорчжи шуршит соломой... Сафонов говорит:

- Я вынужден буду предупредить политрука, гражданин, что в вашем лице едва ли едут представители трудового народа Монголии.

- Разве Виталий Витальевич знает трудовой народ Монголии?

- Насколько я понял, вы – гыген, настоятель монастыря, и вообще, лицо позорнейшее. Да-с!

- Разве я виноват в том, что священный Будда в очередном воплощении своём избрал моё грешное тело...

Сафонов саркастически смеётся:

- Ну уж об этом вот, вы точно не говорили заместителю наркома...

- Но он этому не поверит. Вы только один верите..

- Это я-то вам верю?! Да если б я имел больше подлости, я бы сказал политруку о вашем офицерском звании... возможно...

Профессор Сафонов опрокинут, давится: Жёсткая солома забивает ему рот. Дава-Дорчжи тычет ему кулаком в лицо, в рёбра и быстро бормочет:

- Счастье твоё, помёт, что меньше подл!.. а! Я тебе покажу офицерское звание! Тебе что, хлеба мало или мяса захотел, сволочь? Нраан. Ыий!..

Мелькнуло лезвие ножа в руке Дава-Дорчжи...

Женщина спокойно прибавляет огонь в коптилке.

Дава-Дорчжи вскакивает, прячет нож.

Солдаты-монголы забились с ружьями в угол и намеренно не смотрят на происходящее.

Профессор выплёвывает солому и что-то напугано бормочет.

Дава-Дорчжи быстро застёгивает шинель и, глядя куда-то в угол, говорит:

- Если вам не хватает вашей порции хлеба, мы можем добавить. Если вам нужна женщина, я ей скажу, чтоб она легла с вами,- и повернувшись к ней, что-то отрывисто говорит по-монгольски.

Она покорно слушает.

- Отстаньте от меня,- тихо говорит профессор.

Дава-Дорчжи распахивает дверь и смотрит вниз под колеса.

В теплушку врывается пролетающая мимо холодная ночь под усилившийся перестук колёс.

Солдат, с головой закрываясь тулупом, что-то ворчит по-монгольски.

Женщина, разливая чай из китайского чугунного чайника, постоянно стоящего на печке, в две фарфоровые пиалы...

Дава-Дорчжи задвигает дверь вагона. Монголка подаёт одну пиалу сначала Дава-Дорчжи, а другую – профессору.

- Как её зовут?- спрашивает профессор.

- Цин-Джун-Чан,- отвечает гыген.

Женщина, услышав своё имя скромно улыбается профессору.

- Очень длинно, не правда ли? Но у русских есть ещё длинней. Как звали вашу жену, Виталий Витальевич?

Женщина тихо уходит в свой угол.

- Вы где учились?- вопросом на вопрос отвечает Сафонов.

- В Омском кадетском...- усаживаясь рядом с профессором, говорит гыген,-
Я доброволец.

- У вас был свой отряд?

- Да на Кавказском фронте,- шумно отхлёбывая чай, говорит Дава-Дорчжи.

- Для чего вы везёте Будду?- отпивая чай, спрашивает профессор.

Дава-Дорчжи тихо смеётся.

Поезд мчится на всех парах в неизвестную тьму. Локомотив, сгибая шею,
рвётся в туман и туман рвётся на него.

Профессор просит кружку воды, показав жестом, что хочет пить. Монгол с
длинными, как сабля, губами подает кружку. Профессор, выпив, возвращает
кружку. Монгол сломанной её ручкой чертит на грязном, заплёванном полу
неправильную пятиконечную звезду и, сплюнув, быстро тычет пальцем в
свою грудь...

Утром, когда профессор идет на станции за кипятком, то замечает позади
себя того же монгола-солдата с длинными, как сабля, губами в шелухе из-под
семечек, которые он грызёт на ходу.

- Зачем ты следишь за мной?- резко остановившись, спрашивает профессор.

- Кальца, кальца...- выпрашивает и тычет в левую руку профессора, на ко-
торой золотое обручальное кольцо.

Сафонов прячет руку в рукав.

- Семичика мынога,- говорит монгол, грызя семечки.

- Чего?

- Семичика мынога у русика башку. У-ух!.. Шыбиршиты...

Профессор, не набрав кипятку, возвращается.

В теплушке Дава-Дорчжи, рассматривая кольцо, удивляется:

- Как это вы, профессор не променяли его в такой голод?... Он убьет вас, если вы вздумаете прогуляться куда-нибудь, например в Чека...

Сафонов смотрит на Дава-Дорчжи. Поезд трогается.

Солдат-монгол с длинными, как сабля, губами смотрит из укрытия вслед уходящему поезду.

- Он слишком много понимал по-русски... Или напугался, или донесёт... хотя за доносы большевики не платят,- говорит от дверей Дава-Дорчжи.

Коптилка под потолком горит всю ночь.

У дверей на бревне спит часовой Шурха.

Профессор подымается, чтобы подкинуть полено в печь, но неожиданно для себя ползёт. На полдороге останавливается и смотрит на часового.

Тот дремлет.

Он смотрит в угол,..

...где подле ящика спит женщина...

Веки профессора вспотели, он протирает их ладонью; низко наклонившись к полу, сплёвывает.

Подползает к рыжему тулупу и трогает круглое, выпуклое тело.

Женщина подымет голову.

Он лезет под тулуп к женщине...

Утром за чаем Дава-Дорчжи выстругивает из лучины меч. Монгол Шурха заглядывает через плечо гыгена.

- Мы же договор подписали – уплатить пятьсот голов скота за Будду...- говорит Дава-Дорчжи,- Вы думаете, даром говорил заместитель наркома?..

Пятьсот голов они получают...

Из лучины получается сначала меч, затем рыба, которую гыген бросает в огонь.

Профессор чувствует на себе...

...медленный, как степные озера, испаряющийся взгляд женщины.

Он смотрит на неё украдкой, чувствует жар в щеках. Молча, связывает из лучинок крест и тоже кидает в печь.

- Вы уж и записку с желанием киньте,- смеётся Дава-Дорчжи.

Профессор поднимает глаза на гыгена.

Везде за профессором следит монгол Шурха. На станции все больше плакатов. Перед одним из них, с изображением крестьянина «одурманенного попами» - небольшая толпа.

Шурха и профессор в сторонке.

- Воюете?- спрашивает у молодого солдата старик с лицом, похожим на вытершуюся серую овчину.

- Приходится, дедушка,- весело отвечает солдат.

- И то смотрю – тошнота с народом. Николды такой никудышной войны не было. Се царь скликал, а теперь, на чемер тебя дери, сами промеж себя дерутся.

- Всё равно, что ехали-ехали, дедушка, а телега-то – трах!..

- Оказыватса, сгнила давно, нову приходится делать!..

Старик, будто стряхивая с рук воду, отходит бормоча:

- Ну, ну... каки нонче телеги. Антихрист родился, хороших телег не жди..

И вдруг останавливается, поворачивается к спорящим:

- От Бога куды идёте-то?..

- Окстись ты, дед!- со смехом отвечают из толпы.

- Своё добро рушите! А это дарма не пройдёт. За это пострадать придётся...- и старик, махнув рукой, уходит...

Профессор и Шурха идут к своему вагону. Видят в станционном окне, как Дава-Дорчжи и Анисимов ругаются с начальником станции. Анисимов размахивает мандатом. Начальник устало и тупо смотрит на них.

Звенит колокол к отправлению. Поезд трогается. На приоткрытой двери теплушки надпись мелом: «Вход воспрещается! Служебная народного комиссара прасвещения» почти стёрлась.

В вагоне только профессор, Шурха и монголка.

Дава-Дорчжи догоняет вагон и запрыгивает на ходу...

- Где остальные?!- в гневе спрашивает гыген, оглядевшись.

- Комендант увёл... Мобилизация!- отвечает с неожиданным укором Сафонов.

Довольный Шурха, при этих словах, выбирается из-под соломы и стряхивает её с себя.

- Пристрелил бы, как собак!.. Уйти с красноармейцами!..- ревёт Дава-Дорчжи, размахивая револьвером.

- И дров нет!..- он подходит к ящику и остервенело срывает верхние доски, подцепив их ножом. За досками обнажается лик Будды...

Шурха и монголка простираются перед святыней на коленях.

В кабине паровоза рядом с машинистом и его помощником, подбрасывающим уголь в топку, – товарищ Анисимов. Он еще более обтрепался. Лицо и белокурые волосы - в саже...

- Человек на рельсах!- кричит Анисимов,- увидев вдалеке человека, лежащего поперек пути.

- Тормози!..

- Не положено...- говорит машинист,- вот перережем – тады и остановимся. Протокол составим...

Китаец, лежащий на рельсах, что-то крикнув по-китайски в сторону - в тайгу, пускает себе пулю в затылок.

Паровоз, сбавляя ход, перерезает мертвое тело.

Машинист и Анисимов спрыгивают...

И тут же из кустов раздаются выстрелы и крики:

- Сдавайся, перебьем иначе...

Машинист падает замертво.

Анисимов, укрывшись за колёсами под вагоном, отстреливается из револьвера.

Женщина бежит под пулями по насыпи вдоль вагонов и истошно кричит пропавшего ребенка.

Шурха, схватив винтовку, пытается открыть дверь. Дава-Дорчжи резко бьёт его кулаком в лицо. Шурха падает. Гыген быстро закрывает дверь и что-то орёт по-монгольски.

Помощник машиниста успевает запустить машину и выволакивает на тендер пулемет, стреляет.

Поезд трогается.

Профессор видит через щель в двери теплушки, как «зелёные», отшвырнув женщину нашедшую ребёнка и ещё какого-то штатского, ставят на насыпи Анисимова, солдата и комиссара в кожанке. Несколько по-разному одетых «зелёных», построившись, готовятся к расстрелу.

Сафонов резко отворачивается. Выстрелы эхом доносятся до него.

- Куда же поставят меня?.- перекрестившись, говорит Сафонов.

- Узнаете в своё время, Виталий Витальевич, - услышав слова профессора, говорит Дава-Дорчжи и, не обращая ни на кого внимания, грубо забирается к женщине под тулуп.

Профессор отворачивается и слышит только ее стоны и перестук колес.

Поезд стоит на станции. Дверь чуть приоткрыта.

Шурха выстраивает в ряд, на полу теплушки, игральные кости-«альчики» и подобострастно смотрит на гыгена.

Тот, прицелившись костью – «битой», выбивает из ряда несколько костей.

Профессор с интересом наблюдает за диковинной игрой.

- В результате революций туземцы настолько же будут презирать Россию, насколько раньше боялись... Эта черта гнусная, Дава-Дорчжи...

Теплушку с грохотом обгоняют орудия на платформах: темные глыбы броневиков, накрытых брезентом, торчит дуло, желтое крыло аэроплана...

С проносящейся платформы, перекрикивая стук колес, радостно орёт пьяный красноармеец:

- Война, товарищи!!!..

- У нас нет больше пайка и денег, профессор,- говорит Дава-Дорчжи, зашивая с помощью шила лопнувший сапог.

Гнилая кожа лезет, расплзается, как грязь; шило блесит...

- Дава-Дорчжи! Вы глубоко испорчены цивилизацией, и вам не к лицу Восток.

- Раздражение обостряет наблюдательность...- ехидно говорит гыген.

- Склонность к дешёвым сентенциям!.. Ха... Вы ведь и один уедете, без меня...

- Одного меня назовут вором.. Зачем вам есть пищу большевиков-захватчиков? У вас - тепло, любознательный разговор и женщина, молодая и искусная в любви... и не моя вина...

- Плохая театральная декламация!- восклицает профессор.

- По-монгольски, Виталий Витальевич, выйдет значительно лучше... почти песня... У нас есть мудрая поговорка: никогда не злись на дорожного спутника...

Профессор, схватив своё одеяло, спрыгивает с вагона.

За ним тотчас же прыгает Шурха...

Профессор идёт в деревню. За ним неотступно следует Шурха.

Профессор уже не обращает на него внимания.

Деревня пуста, дома заколочены. Одинокая старуха стоит у забора.

- Бабушка, хлеба за одеяло не дадите?- говорит профессор...

Старуха со злостью указывает на амбар:

- Вон у тех хлеба просите, они вам дадут!..

Огромный бревенчатый амбар набит сверху донизу трупами. Истощавший батюшка в грязном овчинном тулупе, накинутым поверх рясы, с трудом грузит труп на лёгкие сани...

Сафонов, передав одеяло Шурхе, помогает взвалить второй обледенелый труп на дощатое дно саней...

- Как же вы один-то, святой отец?..

Батюшка выпрямляется и смотрит на Сафонова долгим взглядом:

- Каждому – свой крест нести, сын мой,- отвечает батюшка и с трудом закрывает тяжёлые амбарные ворота,- И ты свой неси...

Колокол вдалеке звонит морозно похоронную России..

Профессор вырывает одеяло из рук Шурхи и накрывает им трупы с головой...

Священник крестит лоб Сафонова и впрягается в сани...

Профессор смотрит ему вслед...

Шурха грубо дёргает Сафонова за рукав. Они уходят.

Поезд идёт в соснах.

Сырые дрова в печке горят плохо.

Дава-Дорчжи решительно берет нож и подходит к ящику Будды. С треском отламывает сухие доски. Гаутама Будда показывается во всей своей золоченой красе.

Монголка и Шурха боязливо глядят на золотого Сидхартху.

Дава-Дорчжи что-то отрывисто говорит им по-монгольски и, нарубив щепок, бросает их в огонь.

Шурха вскакивает, торопливо хватая чемоданчик профессора и, ругаясь по монгольски, спрыгивает с поезда у приближающейся станции.

- Теперь нас некому караулить, профессор,- бесстрастно говорит гыген,- а он был самый верный из всех... Значит, действительно, профессор, тяжело, если решился уйти Шурха... какие-то духи здесь помимо голода и мороза. Он был верней меня...

- Он унёс мой чемодан... Там - икона...- тихо говорит профессор.

- Да увеличится слава божества от поруганий, дорогой Виталий Витальевич!..

На станции Шурха выменивает чемодан профессора на мясо и масло: три мужика, открыв чемодан и увидев там золотой оклад на иконе Спасителя, тут же отдают Шурхе продукты.

Один из них, догнав Шурху, бьёт его ножом под лопатку...

Тот, развернувшись, бьёт шилом в горло и продолжает стойко идти по направлению к поезду...

Двое с чемоданом быстро удаляются.

Обессиливший Шурха, выкладывает свёртки с провизией на край теплушки, поезд трогается. Шурха оседает на насыпь под вагоном...

Профессор спит в своём углу.

За наполовину уже открытым ящиком с Буддой, гыген и женщина жадно поглощают мясо...

Проснувшись, профессор чует запах невиданной еды и слышит за ящиком торопливое чавканье.

Когда к ним подходит профессор, монгол успевает спрятать еду...

- Вы не думаете сегодня искать пищи, Дава-Дорчжи?.. – притворяясь непонимающим, говорит Сафонов.

- Да, да... я иду,- бросает полотенце и поспешно спрыгивает на насыпь у приближающейся станции.

Профессор нюхает оставленное гыгеном полотенце и ухмыляясь грозит женщине пальцем:

- Обманщики, обманщики!.. Старика обманывать... Голодного старика!..

Та, ухмыльнувшись в ответ, сыто потягивается и проводит ладонью по жирным губам; зазывно разводит ноги...

Профессор запирает дверь на болт и, обмотав руку полотенцем гыгена, начинает сдирать золотую проволоку со статуи. Проволока в углублении скреплена крошечными медными гвоздиками. Он режет их ножом, золото осыпается мелкой пылью...

Он скачет вокруг Будды, как в странном шаманском танце разматывая проволоку...

Монголка в ужасе визжит в углу.

Он кидается к ней и закрывает ей рот рукой, обмотанной полотенцем.

Её дивные раскосые глаза покорно смотрят на него; тут же смолкает. Она привыкла понимать приказания.

Профессор топором оттягивает доску обшивки и прячет за нее моток золотой проволоки величиной с кулак.

Ножом соскребает с полу искорки золота и сыплет в карман брюк.

Обессилено опускается рядом с монголкой и смотрит ей в испуганные глаза...

Она слегка коротенькими мягкими пальцами касается его лба и говорит:

- Ляр-ин!..

Дава-Дорчжи приносит из темноты полкалача и доску, сорванную с забора.

Поезд набирает скорость.

Женщина заваривает чай.

Гыген делит хлеб натрое, протягивает профессору и монголке.

Профессор жадно ест, скрывая волнение и поглядывая на женщину.

Она молчит и пьёт чай.

Монгол обронил пуговицу. Он зажигает лучину и ищет ее на полу.

Вдруг замечает на рогоже медные гвозди и крохотные кусочки золота.

Подскакивает к статуе, светит лучиной ей в золотое лицо...

- А-а-а!..- истошно кричит Дава-Дорчжи...

...Ага-а!!! – несется его голос вместе с уносящимся поездом...

Гудок сливается с его криком...

Станция. Дава-дорчжи приводит двух мужиков.

Один из них, рыжебородый, в овчинном бешмете, тычет пальцем на статую и говорит другому:

- Этот?

У спрашиваемого - розовое детское лицо и мужской хриплый голос:

- Много работы, дяденька...

Они ходят вокруг Будды, стучат пальцами:

- Хорошая медь!..

Дава-Дорчжи проводит рукой по лицу Будды, по складкам его одежды и внезапно отскакивает к профессору. Тычет его кулаком:

- Ободрали, сволочи, всю проволоку дочиста... и ушли!..

- Кто?

- Солдаты... кто! Я-то подумал: почему так ящик легко раскололся?.. Попадись теперь они мне, я...

Женщина Цинн-Джун-Чан спокойно смотрит из своего угла.

- Берётесь, что ли?!- обернувшись к крестьянам, крикнул Дава-Дорчжи.

Рыжебородый мужик снял шапку и глянул на профессора, который изрядно оброс.

Сафонов устало улыбнулся ему в ответ.

Мужик протянул руку:

- Здорово живёте, давно в дороге-то?..

Профессор благодарно пожал крепкую руку...

- Ну, берётесь, что ли?!- закричал Дава-Дорчжи.

Мужики осторожно переглянулись:

- Поди, так и на золотой не наскребёшь. Ты как, Митьша, полагаешь?

- Бог его знает... главное – не русская штука...- Митьша в вязаном спортивном шлеме и драном полушубке ответил уклончиво,- Из китайцев ён, што ли, статуй-то?..

Гыгена знобит:

- Скребите... поскорее! Да увеличится слава божества от поруганий...

- Мы не живоглоты! Сколько наскребём – столько и получите... Ещё влезешь с таким золотом,- нонче ведь: раз-два, да и к стенке...

Мужики принимаются скрести статую скребками, подстелив под неё шерстяную шаль.

Дава-Дорчжи вяло опирается на печку. У него начинается бред:

- Скребите, скребите!.. Блоха спать не даёт, завелась...

Через полузанесённое снегом окошечко – на соломе пятна света и опадающие кусочки золота между ног, работающих мужиков. Постоянно слышится скрип...

По соломе ползает Дава-Дорчжи: то к женщине, то к профессору.

Сафонов закрывается с головой, но ощущает на себе его руку.

Пальцы пробегают по телу, ощупывают одежду и сапоги.

Гыген ищет даже в подушке и в соломе под подстилкой...

Слышен непрекращающийся скрип...

- Они вернут мои стада... Будде вернут...- бормочет Дава-Дорчжи и, обесилев, замирает на соломе рядом с профессором.

И вот красный, злой, медный, с родимыми пятнами от кое-где оставшейся позолоты, восседает в полный рост Будда...

Женщина со страхом смотрит на него из своего угла.

Мужики бережно завёртывают шаль, на которую падали крупинки, и в газету – листочки золота с лица...

Рыжебородый жмёт руку профессору:

- Продешевили мы, да уж...

- Никто не воплотится в родах, не вернув мне мои стада!..- кричит в бреду
гыген.

За золото мужики приносят мешок мерзлых булок, меру картофеля, дров и
кусок рваной кошмы. Сваливают всё это на пол теплушки и уходят, не про-
стившись...

- Монгол-то, вот-вот помрёт, поди...- говорит молодой, удаляясь по насыпи.

Сосны подле насыпи выскакивают иногда, как напуганные огромные пти-
цы.

Поезд идёт на восток.

Гыгена знобит, он кутается в шинель:

- Я вас ночью видел, Виталий Витальевич, вы к женщине шли... Сказать ей,
чтоб она не сопротивлялась?..

- Мне надоели ваши солдатские шутки, Дава-Дорчжи!.. Когда мы доедем?

- При хорошей экономии на полтора месяца хватит продуктов. К тому вре-
мени уже будем в Сибири, а там много почитателей моего перевоплоще-
ния...- его знобит еще сильнее.

Станция. В теплушке. Над гыгеном, рядом с профессором, стоит сухонькая
женщина – доктор:

- Лекарств у нас нет. У него тиф. Обрить!.. Кофе, чистое белье и компрессы.

Доктор смотрит на ободранную статую Будды, стучит ногтем:

- Медь!..- и уходит.

Профессор помогает ей сойти.

Сафонов бреет голову гыгена его ножом. Печка горит жарко. Гыген полу-гол.

Женщина стирает в жестяной параше бельё Дава-Дорчжи.

- Лекарств!.. Лекарств!.. Продай револьвер!..- плаксиво просит гыген и по-монгольски бранит женщину..

Та падает на колени, уткнув голову в пол...

На станции Сафонов подходит к старику, который утомлённо подымая тяжёлый колун, рубит полусгнившую шпалу.

- Издалека?- спросил Сафонов.

Старик, разгибая спину, ответил:

- А из Сызрани.

Он опустил колун и продолжил:

- У меня в Сызрани-то земля,- любовно проговорил старик,- а-атличнейший чернозём. Прямо золото, а не земля – чекань монету!.. А вот поди ж ты - бросил.

- Жалко?

- Известно жалко. А бросил. Придётся обратно...

- Обратно идти далеко... очень...

- И то говорю – умрёшь ещё дорогой?

- Не нравится здесь?

- Народ не наш! У нас народ всё ласковый, а здесь и говорить не умеют. И как живёт! Бог его знает. Фальшиво живёт. Зачервивеешь тут, обратно пойду. Брошу всё и пойду...

Сафонов неловко, взявшись за дуло, вытаскивает револьвер:

- Продать надо...

Гыген срывает компрессы, пьёт, разбрызгивает кофе:

- Я уже умер... Я опять дух Будды... Они отдадут мои стада!..

Профессор носит кипяток, ставит компрессы, вливает в монгола воду...

- Привет наркому по национальностям от имени монгольского народа!..
Долой китайских империалистов!.. В год Красноватого зайца... В год Красноватого Зайца...- бредит Дава-Дорчжи.

Профессор видит сквозь щель вагона большого, с собаку, красноватого зайца на бесконечном снежном поле. Заяц, посмотрев в его сторону, быстро убегает вдаль...

Тогда он резко отворяет дверь на полном ходу поезда... Из абсолютной тьмы в зубы профессора несётся колючий и твёрдый, словно камни, снег. Закрыв дверь, он возвращается к печке и бормочет:

- Есть какое-то возмездие за наши поступки...

Станция. Утро. Монголка возвращается к теплушке в сопровождении высокого, горбоносого человека в черной, до пят, собачьей дохе и в шапке с красной лентой. Выкладывает на борт несколько сухих сучьев.

- Проходите,- говорит профессор человеку в дохе,- здесь тифозный.

- Ну ты, не очень-то верещи...- говорит тот с угрозой и уводит женщину Цинн-Чжун-Чан.

Виталий Витальевич бросается к гыгену, трясёт его плечо...

- Сми-и-ирна!- мечется и кричит Дава-Дорчжи.- Здорово, молодцы-ы!

- Послушайте, она ведь ушла, ушла!.. Необходимо крикнуть: назад! Я же не знаю этого слова по-монгольски...

- Молчать! Какая там сволочь строй ломает? Ни с места! Сми-и-ирна!..

Профессор распахивает настежь дверь вагона и кричит вслед уходящим:

- Послушайте, вы-ы!..

Женщина оборачивается и, увлекаемая человеком в дохе, уходит...

Поезд мчится вперед.

У синих льдов одинокие волки, туго задрав молодые морды, воют на поющую сталь поезда.

Теперь они вдвоем...

- Волки, профессор!..- хищно говорит Дава-Дорчжи,- Скоро Омск – там наши...

- Вы сообщите их адреса?..

- Я помню... да... совсем забыл... забыл... Это не болезнь была; это - новое моё перевоплощение...

Поседевший профессор, кормит монгола размоченной в воде булкой..

- Еще, еще!- просит гыген.

- Вам нельзя много есть, Дава-Дорчжи, у вас суженный кишечник...

- Мяса давай, старая карга!..

На маленькой станции профессор снимает с руки своё обручальное кольцо и меняет у аккуратненькой старушки на мясо и молоко.

- Для родного, поди, меняш, барин?

- Для родного...- говорит Сафонов и уходит.

- Сохрани тя Господь!- говорит вслед старушка.

Гыген лежит на полу: он пытается ползти:

- Давай!..

Он хватает зубами молоко, льёт его себе на шею и с шеи скребет ладонями в рот:

- Ещё... ещё!..

Жрет мясо, обливаясь молоком...

Состав тормозит. Профессор отодвигает бутылку:

- Уже Омск, Дава-Дорчжи... Где у вас тут знакомые?..

- Не подох ведь я , профессор!..

Сытый гыген засыпает...

Теплушка стоит одна в тупике, на сортировочной. Сотни пустых вагонов. Между составами по снегу рыскают собаки.

Профессор в городе. Он отправляется в Отделение Географического Общества.

В музее вповалку спят солдаты.

У входа в библиотеку, на ступеньках лестницы пожилой смотритель в пижамах и самоедской малице. На врату малицы – музейный ярлык.

- Вам кого?

- Мне необходимо поговорить с председателем Общества.

- Правление и председателя арестовали за участие в юнкерском восстании...

Малица идет по опустевшим залам и продолжает жаловаться:

- Спирт из препаратных банок выпили, крокодилом истопили печь, на черепашке мальчишки с горы катаются...

Профессор, оглядевшись, вежливо останавливает за плечо смотрителя:

- Простите, что вы можете сообщить о местной монгольской диаспоре?..

- Откуда мне знать о каких-то монголах! Их в шкафах нету... Я стерегу библиотеку, дабы не расхитили,- и, удаляясь, бросает на ходу,- Обратитесь в Исполком...

В Исполкоме кипит работа... Высохший человек в военной форме, осмотрев мандат профессора, говорит на повышенных тонах:

- На Дальнем Востоке и в Маньчжурии белогвардейское восстание, товарищ. Мы не имеем времени отправлять какие-то экспедиции с Буддами. А если у вас там в Буддах-то эсеровские воззвания?!

- Осмотрите.

- У меня, товарищ, семьдесят составов каждый день – до коли каждому под подол заглядывать?.. А про монголов ничего не знаю!..

Профессор переходит к другому столу, где ему неожиданно быстро подписывают бумагу.

Сафонов, забрав мандат, выходит.

У подъезда Исполкома сидят на завалинке двое мужиков:

- В Москве-то, Никита Егорыч, беспрерывно вавилонскую башню строить будут. И разгонят нас, как ястреб цыплят, беспрерывно! Чтоб друг друга не узнавали...- говорит один из них, глядя на проходящего мимо профессора.

- Я те на это скажу... самогонки хошь? А то: тала-бала, по японски мне выкусишь!

Сафонов возвращается в теплушку.

Снимает со статуи рогожи и протирает ее тряпкой, замечает, что у Будды отломан кусок короны... Подумав о монголке, профессор опускает глаза.

- В Иркутске беспокойно и поезда отправляют в Семипалатинск. Я еле добился, чтоб нас пустили в Иркутск,- строго говорит Сафонов.

- Мне все равно!- огрызается Дава-Дорчжи.

Сафонов смотрит на него...

Дава-Дорчжи сидит на постели в новом козьем полушубке, подбоченись...

- Вот что... где же выдают полушубки странникам?..- спрашивает Сафонов.

Дава-Дорчжи срывается на крик:

- В полку, в полку, в полку... сволочь ты этакая... отстань! Подыхать мне тут с тобой! Не поеду, остаюсь! Мне здесь надо... я здесь... я...

- Я совсем другое думал, Дава-Дорчжи... я полагаю, мы сможем сговориться... я, наконец, получил разрешение...

Достаёт из кармана листок и читает:

- «Удовлетворить просьбу. Направить по просимому маршруту в Иркутск».

В таких случаях, знаете...

- Доносить пойдёте – донесите! Я не Будда, не гыген! Я не болел – умирал! Я оставил дух вот этого в пятнах ...

Ободранный медный Будда величественно и бесстрастно смотрит мимо спорящих...

- Оставьте ваши шутки, Дава-Дорчжи... Вы же русский офицер! Вам ли идти служить к большевикам... Вы обязаны, если вы честный человек... Я вам не верю.

Дава-Дорчжи достаёт из кармана бумаги, завёрнутые в носовой платок, и швыряет их на подстилку. Идёт к двери прямой военной походкой на слегка кривящихся ногах. Отворяет дверь пинком сапога...

- Вот надоед, старый хрен! Вези теперь!..

И, спрыгнув, исчезает под вагоном...

В просвете дверного проема, вдалеке – в пустынном железнодорожном тупике,- весь в снегу восседает Будда и смотрит на профессора.

Профессор резко оборачивается: бурхан Будды на месте...

Поезд идёт к Иркутску. Весна. Дверь открыта. В пустой теплушке только Будда и профессор. Сафонов беспрестанно ходит по вагону...

Самому себе нужно говорить высоко и грубо:

- Один субурган пройден!- кричит он в пустоту,- От второго субургана я не сверну!..

Глаза Будды занесены пылью и, как будто, прикрыты...

- Я не сверну...- тихо говорит он в лицо Будде...

Ночь. Станция. Под потолком горит керосинка. Крики, выстрелы.

Профессор успевает закрыть дверь вагона и выключить лампу.

Кто-то ломится, бранится, стреляет, пробивая пулями обшивку вагона, но поезд трогается и отходит...

- Ресницы твои, как сон, отрешившийся от страданий...- говорит Виталий Витальевич Будде, сидя под прострелянной дверью,- Европа во тьме, Восток неподвижен...

Будда неподвижно смотрит на него...

Весна. Иркутск. За окнами комендантской – Ангара...

В коридоре арестованный священник в рясе сидит прямо на полу между двумя конвоирами с ружьями. Конвоиры чему-то смеются. Сафонов, приблизившись к ним и услышав разговор, приостанавливается...

1-ый конвоир, отсмеявшись, говорит:

- Так вот, батька, я и говорю: иконы на дрова рубить надо-ть. Уж больно лики какие-то не наши на них намалёваны...

Батюшка устало и тяжело посмотрел на солдатика:

- Огонь адский и так тяжек,- для чего прибавлять грехов. Плюнь на мир антихристов, плюнь да забудь...

- А я, батя, ей-Богу, не знаю...- возражает второй,- Мы религию отделили, так сказать, как гнилой ломоть...

- Чего ж божишься? Раз басурман, не божись!..

Последние слова священника Сафонов слышит, уже входя в кабинет коменданта.

На борту тужурки коменданта красный бант, а лицо серое и прямое.

Читает профессорские накладные, мандаты...

Окно кабинета пробивает шальная пуля и разбивает вазу с весенними цветами на шкафу...

Профессор стряхивает со щеки осколок:

- Постреливают?..

- Садитесь, товарищ Сафонов... Приехали, значит?

- Я имею просьбу к вам, товарищ комендант.

- Какую просьбу?- глаза коменданта устало щурятся,- Какую просьбу, товарищ?..

- Статую Будды, которую Совнарком поручил мне сопровождать, выгрузили из теплушки, и она безо всякого присмотра лежит на дворе. Боюсь, как бы

не нанесли повреждений... Статуя имеет ценность не только археологическую, но и общественную. Это дар братскому монгольскому народу, ведущему революционную борьбу...

- Та-ак... Выгрузили, и хорошо. Что же, год ей в теплушке лежать? Дорого сейчас в Питере всё... Хлеб-то почём?

- Я прошу вас, товарищ комендант...

Тогда комендант тяжело поворачивается в сторону соседней комнаты и протяжно тянет:

- Сергей Николаич... А?

И так же протяжно катится, как бревно, из другой комнаты:

- Но-о-о...

- Да идите же!

На улице слышен взрыв. Кабинет качнуло.

Остатки стекла в окне обвалились.

Сыпется штукатурка.

Сафонов бросается к окну и выглядывает на улицу.

На товарном дворе стоит в грязи целый и невредимый Будда...

Из соседней комнаты комендатуры появляется низенький человек с невероятно длинными чёрными усами. Говорит басом:

- Ну что тут?..- берёт и читает бумагу,- Бу-у-уд-ду! Бога... Черти!.. Перуна нам!.. Хо-хо-хо!..

Комендант смотрит ему в рот и внезапно пускается хохотать.

Они катаются по столу, роняют стулья.

Сбегаются барышни-секретарши, смотрят и с визгом, щипая в восторге друг друга, прыгая, мелко, бисерно, с продёргом, хохочут.

В спину барышням толкаются сонные солдаты...

Коридор дрожит в хохоте...

Один священник не смеётся...

Облокотясь о перила лестницы, мрёт в смехе ветхая старушка.

Но тут Сергей Николаевич, хлопая рукой по кобуре револьвера, кричит:

- Убирайтесь!.. Работать мешаете!..

Все посторонние удаляются.

Он вытирает с усов слёзы и продолжает:

- Чудно. Зачем они нам Будду прислали?.. Да мы бы им тут из любого колокола с церкви десять свежих Будд отлили бы. Чудно!..

- Посмотреть, что ли, Сергей Николаич?

- Посмотрим!..

Трое идут на товарный двор. Позади догоняет их барышня с бумажкой на подпись.

Комендант плавно, точно танцуя, опускает ногу на бурхан, стоящий среди грязного товарного двора вокзала.

Сергей Николаевич шевелит свой палец по сломанной короне:

- Изъянец!..

- Пальцы-то золотые,- говорит комендант.

- Позолоченные...- говорит профессор.

- То-то, я и думаю, - как из Петрограда золотые пальцы выпустят.

- А ведь безвредный. На Ленина похож...

- Я его доведу!- говорит вдруг профессор.

- Ну, и везите. Вам, собственно, от нас чего надо?- спрашивает Сергей Николаевич.

- Позволение довести до монгольской границы. Дальше я сам...

- Сухе-Батор – наш революционный друг! Везите, товарищ!..

Теплушка несётся по Кругобайкальской железной дороге.

В вагоне – профессор и, лежащий посередине Будда. Профессор, сидя рядом, гладит рукой его изуродованную медь. Нет больше профессорской печки.

Дверь распахнута и за ней – Байкал величественный и радостный.

Сафонов стоит, облокотившись на перекладину, и смотрит на воды загадочного озера.

Лицо его абсолютно счастливо.

Паровоз с одним вагоном проходит по виадукам у отвесных скал и ныряет в туннель. Под громкий перестук колёс свет лампы выхватывает то спокойное лицо Сафонова, то умиротворённый лик Будды...

Паровоз заводит вагон в тупик крошечной станции у Монгольской границы.

Профессор спрыгивает и тщательно запирает вагон, идёт к машинисту.

- Никому не открывать до следующих распоряжений! Вот постановление Иркутского Совнаркома,- протягивает машинисту бумагу.

Ветер выдувает из степи желтый песок и перекаати-поле... Профессор стоит у одноэтажной маленькой станции, похожей на сарай.

За станцией профессор зацепляет у забора шинель; он хочет снять с гвоздя...

Но это не гвоздь, человеческий палец, а за пальцем человек в бешмете, похожем на гнилой забор:

- Бириги диньги... мащеньник на мащеньнике... ты чего пиривёрз?

Профессору трудно двинуться, человек держит его за хлястик.

- Укажите, пожалуйста, где здесь Совет?

- Совит?.. Здесь мынога Совит... Есть Совит – дома имит, мой дом тоже этот Совит имит, Есть Совит – тюрьма садит, Билимжан пятый месяц сидит... Не ходи Совит!..

- А монголы здесь есть?

- Нет монгол... Монгол далеко. Бурят есть. Татар есть. Я – татар. Хизрет-Нагим-бей. Тебе куда?..

- В Монголию.

- Ой-пурман, какой дела чаман!.. Идём мой дом. Там - Совит... Там биш-бармак. Солай...

Профессор послушно шагает за татаринном. Сутулая спина вся в полосах – маслянистых и глубоких, точно татарину вшиты в спину куски грязного сала.

Призрачен песчаный посёлок. Пески несутся сонными струями. В песочных струях – такие же сонные люди – редкие прохожие.

Татарин часто оборачивается, он чем-то много доволен, и каждый раз профессор видит новое лицо.

Профессору хорошо. Он весело смотрит в лицо татарину...

Тот кивает головой:

- Хорошо!.. Солай.

Сафонов с удовольствием ступает на кошмы, настланные в избе татарина, щупает бревенчатую стену:

- Крепкая изба...

- Кирпичный дом конфисковали,- с неожиданно меньшим акцентом говорит Хизрет-Нагим-бей,- этот построил...

Он что-то быстро говорит по-татарски молодой женщине, чем-то похожей на Цин.

Та спешно накрывает на низкий, в четверть аршина столик посреди комнаты. Двери завешаны чистыми циновками. Нагим-бей приглашает гостя к столу.

Профессор, впервые за многие дни ест мясо, запивая его зелёным чаем.

Из-за циновки наблюдает женщина.

Профессор достаёт кусок золотой проволоки.

Татарин слегка дотрагивается до неё, вешает на длинном ногте мизинца...

- Много ещё?

- Много...

Татарин встаёт, выпрямляется. Что-то, приказным тоном, говорит женщине за циновкой.

Та быстро собирается и уходит.

Хизрет-Нагим-бей снимает грязный бешмет. Под бешметом оказываются чистые плисовые шаровары и шелковая желтая рубаха. Смотрит в окно...

Вечер. Сквозь окна льётся призрачный лунный свет.

Вокруг столика с горящей глиняной горелкой сгрудились татары.

Профессор, сидя в позе лотоса в углу, с удовольствием пьёт чай из китайской пиалы.

Нагим-бей ходит вокруг собравшихся.

Тощий длинноносый еврей изучает кусок проволоки сквозь вставленную в глаз лупу:

- Проволока китайского золота, это же самое дорогое и древнее золото!..

Татары шумно реагируют.

- Сколько просишь?- говорит Нагим-бей.

- Крепкую арбу, четырёх верблюдов, двух погонщиков и пищи в дорогу.

Всё золото - при расплате.

- Надо посмотреть...- говорит Нагим-бей.

Ночь. В тупике, на станции профессор будит спящего в кабине паровоза машиниста:

- Егорыч, Егорыч!..

- А?.. Ты – профессор... Везёшь бога-то, дяденька?

- Везу...

- И молятся таким?- спрашивает Егорыч, слезая на насыпь.

- Молятся!

- Чудно!..

Татары сгрудились у вагона.

Профессор, при свете керосиновых ламп, открывает дверь теплушки.

Будда возлежит на рогожах...

- Бурхан... бурхан...- бормочет бурят.

- Четырем верблюдам не увезти,- говорит татарин, забравшийся в теплушку и, нарочно натужись, пытается перевернуть статую.

- В степи весна – верблюдам идти тяжело, - никак нельзя меньше восьми верблюдов,- говорит Нагим-бей.

- Найду других,- спокойно говорит профессор.

Утро. Профессор проводит ладонью по теплому забору.

Об сапоги шурша, дует песок, оттирает его ладонь от забора и сам, радостный и пушистый, лезет в руку.

На арбу во дворе Нагим-бея грузят Будду.

Верблюды дышат широко и шумно.

Нагим-бей подходит к профессору...

- Кусок меди в Монголию везёшь... Оставайся!.. Ты совсем пьяный... От ветра пьяный...

Сафонов улыбается в ответ.

- Вон там, за холмами – твоя Монголия,- безнадежно махнул рукой Нагим-бей.

Арба, груженная Буддой, который кое-как прикрыт кусками войлока из теплушки, удаляется в степь.

Рядом с Буддой сидит профессор, придерживая статую. Арба скрипит. Верблюды широко раскидывают пухлые ступни.

- Го-о!- кричат погонщики.

- Го-о!- весело кричит профессор.

Хизрет-Нагим-бей смотрит им вслед от ворот.

Степь перед профессором Сафоновым.

Верблюды думают своё. Чалая шерсть большими кусками виснет у них на холках.

Профессор чувствует веселую, искрящую дрожь в жилах. Плечи у него словно растут, он скидывает шинель, весело смотрит на шмыгающих в норки сусликов.

- Го-о!- кричит погонщик.

Суслик скрывается в норку, а потом с любопытством выныривает на свет. Профессор, сидя в арбе, радостно смеётся в ответ.

Вечер. Солнце садится в пески.

Будда качается в арбе.

Профессор идёт рядом с арбой. Срывает пук свежей весенней полыни, растирает в руках, вдыхает степной аромат.

- Го-о!- кричат погонщики.

Маленький караван удаляется, освещённый справа последними лучами солнца.

Наутро из-за песчаных холмов примчались к каравану всадники. Погонщики, закрыв затылок руками, падают ниц. Верблюды испуганно перешагивают на месте.

- Чох! - кричит один из всадников.

Верблюды ложатся.

Профессор спокойно подходит к всадникам. Киргиз с толстоносым лицом спрашивает:

- Куда едешь?

- В аймак Тушуту-хана у скалы Дангу-хода...

Но тут киргиз неожиданно бьет его по голове чем-то тупым и теплым.

Профессор, хватается рукой за седло...

Всё кругом желтое, вяжущее...

Киргиз бьёт его в плечо.

Профессор падает.

Всадники, гикая, долго крутятся вокруг арбы, как стервятники, стегая лошадей.

Погонщики поднимаются, и с ожиданием смотрят на холмы.

Оттуда скачет ещё всадник, на голове у него маленькая солдатская фуражка, она плохо держится, и его рука прыгает на голове. Это Хизрет-Нагим-бей.

Киргизы торопятся, рубят веревки и скатывают Будду на песок...

- Сюда,- говорит Нагим-бей.

Они бьют топорами в грудь Будды..

Но грудь Будды пуста...

- Шайтан!.. Пусто...- восклицает Нагим-бей.

Один из киргизов отрубает золоченые пальцы и суёт их в карман штанов.

Нагим-бей подходит к лежащему профессору...

Киргиз разрывает рубаху на груди профессора и хочет сорвать золотой крестик, но татарин говорит строго:

- Китер... пуцай с крестом умирает...

Киргизы медленно поворачивают верблюдов.

Потом, вечером, перед смертью, профессор Сафонов отдирает от земли плечи и хватает руками: вперёд, назад, направо...

Под пальцами - вода, густая, тягучая...

Но это не вода – песок.

Песок...

Глаза растерзанного Будды и русского профессора глядят вверх, мимо и выше засыпающих их обоих песков.

Одно тугое, каменное, молчаливое небо над ними...